

DOI: 10.31857/S032103910024315-9

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДИНАСТИИ ДАВИДА: ФОЛЬКЛОРНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В БИБЛЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. А. Бессонов

Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия

E-mail: himins@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6292-3375

В статье рассматриваются библейские тексты, связанные с пророчествами о будущем восстановлении династии Давида, бытовавшими в еврейской традиции эпохи Вавилонского плена. Предполагается, что эта тема отражается не только в библейских текстах, прямо или косвенно говорящих о будущем восстановлении династии, но и в двух библейских повествованиях, рассказывающих о других исторических лицах. Так, история царя Манассии, приведенная в книге Хроник, могла быть составлена по модели, первоначально применявшейся к последним иудейским царям, Иехонии и Седекии. Аналогичным образом сон царя Навуходоносора, описанный в четвертой главе книги Даниила, может основываться на пророческой притче, рассказывавшей о судьбе династии Давида.

Ключевые слова: династия Давида, Иудейское царство, книга Даниила, Манассия, Иехония, Седекия, Библия и фольклор

HEBREW PROPHECIES ABOUT THE FUTURE RESTORATION OF THE DAVIDIC DYNASTY: FOLKLORE AND LITERARY TRADITION AND ITS REPRESENTATION IN BIBLICAL LITERATURE

Igor A. Bessonov

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia

E-mail: himins@yandex.ru

Данные об авторе. Игорь Александрович Бессонов — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ).

The article deals with Biblical texts related to the prophecies about the future restoration of the Davidic dynasty, which existed in the Jewish tradition of the Babylonian Exile. It is assumed that this plot is reflected not only in biblical texts that directly or indirectly speak of the future restoration of the dynasty, but also in two biblical narratives that tell about other historical figures. Thus, the story of King Manasseh told in the Book of Chronicles may have followed the pattern originally applied to the last Jewish kings, Jeconiah and Zedekiah. Similarly, the dream of King Nebuchadnezzar, described in the fourth chapter of the Book of Daniel, may be based on a prophetic parable about the Davidic dynasty.

Keywords: Davidic dynasty, Kingdom of Judah, Book of Daniel, Manasseh, Jeconiah, Zedekiah, Bible and folklore

Предметом настоящей работы является попытка реконструкции древнееврейской традиции пророчеств о восстановлении династии Давида в той форме, в какой она возникла и бытовала после завоевания Иудеи Вавилоном во время походов Навуходоносора против Иерусалима в 597 и 587 г. до н.э. Литературными источниками, которые доносят до нас сведения об этой традиции и, возможно, ее отдельные элементы, являются книга Иеремии, книга Иезекииля, книга Царств, книга Хроник и книга Даниила. Время бытования этой традиции можно отнести к первой половине VI в. до н.э. — приблизительно от пленения царя Иехонии и депортации иудейской элиты в Вавилон в 597 г. до н.э. до смерти последних иудейских царей, Иехонии и Седекии, в Вавилонском плену.

Литература, в которой отражаются сюжеты, так или иначе связанные с этой традицией, в основном относится уже к более позднему историческому периоду. Наиболее ранними источниками, связанными с пророчествами о будущем восстановлении династии Давида, судя по всему, являются книги пророков, в первую очередь книга Иеремии и книга Иезекииля. Общепризнанно, что они, как и большинство библейских сочинений, составлялись в течение длительного времени, однако историческое ядро этих произведений восходит непосредственно ко временам пророков Иеремии и Иезекииля¹. Деятельность пророка Иеремии продолжалась с конца правления Иосии до разрушения Иерусалима вавилонянами и убийства вавилонского наместника Годолии (Иер 1 : 1–3). Последним историческим событием, упомянутым в книге Иеремии, является освобождение царя Иехонии из темницы вавилонским царем Амель-Мардуком в 561 г. до н.э. (Иер 52 : 31). Исходя из этого, можно предположить, что книга Иеремии была закончена в Вавилонии после этой даты. Другим пророческим сочинением, созданным в эпоху Вавилонского плена, является книга Иезекииля. Деятельность пророка Иезекииля приходится на 593/592–571 гг. до н.э.² Судя по всему, книга Иезекииля по дате своего создания также далеко не отстоит от времени жизни пророка и скорее всего относится к периоду Вавилонского плена. Другим важным источником информации об интересующей нас традиции является то, что можно назвать «древнееврейской историографией». Так, подробную информацию об истории израильского и иудейского государств мы можем найти в книге

¹ Blenkinsopp 1983, 153–169, 193–207.

² Zimmerli 1979, 11.

Царств, согласно популярной концепции, предложенной М. Нотом, являющейся частью т.н. «Второзаконнической истории». По его мнению, это цельное произведение, объединяющее книгу Иисуса Навина, книгу Судей и книги Царств, было составлено в середине VI в. до н.э. в Вавилонском плену³. Еще одно историческое произведение, рассказывающее об истории иудейской монархии, книга Хроник, вероятно, относится к более позднему историческому периоду — оно завершается рассказом о завоевании Вавилона Киром II и возвращении евреев из Вавилонского плена⁴.

Упоминания о восстановлении династии Давида в иудейской литературе времен Вавилонского плена можно разделить на несколько групп. Во-первых, это прямые пророчества Иеремии и Иезекииля о будущем восстановлении династии Давида, по своему посылу восходящие к данному пророку Натану божественному обещанию династии Давида во 2 Царств 7 : 12–16. Так, следующий пассаж Иеремии относится к раннему периоду деятельности пророка: «Вот, наступают дни, говорит Господь, и восстановлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. Во дни его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно» (Иер 23 : 5)⁵. Большинство комментаторов полагают, что этот пассаж передает подлинное высказывание пророка Иеремии, отражающее традиционную богословскую традицию Иудейского царства⁶. Еще одно пророчество Иеремии, связанное с будущим восстановлением династии Давида, датируется временем осады Иерусалима Навуходоносором: «Вот наступят дни, говорит Господь, когда Я выполню то доброе слово, которое я изрек о доме Израилевом и о доме Иудином. В те дни и в то время возвращу Давиду Отрасль праведную, и будет производить суд и правду на земле. В те дни Иуда будет спасен и Иерусалим будет жить безопасно, и нарекут имя Ему: “Господь — оправдание наше!” Ибо так говорит Господь: не прекратится у Давида муж, сидящий на престоле дома Израилева» (Иер 33 : 14–17). Впрочем, этот пассаж рассматривается многими исследователями как поздний и относящийся к эпохе после Вавилонского плена⁷. Таким образом, мы видим, что книга Иеремии в принципе предполагает будущее восстановление династии Давида (хотя очевидно, что не все исследователи относят эти пассажи непосредственно ко временам пророка Иеремии). Аналогичные предсказания мы находим и в книге пророка Иезекииля: «Так говорит Господь Бог: вот, я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их <...>. А раб Мой Давид будет царем над ними и пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их» (Иез 37 : 21–24). Вероятно, этот пассаж также относится еще к раннему периоду Вавилонского плена, судя по наименованию руководителя Израйля

³ Noth 1981.

⁴ McKenzie 2004, 29–33.

⁵ Библейские книги на русском языке за исключением оговоренных случаев цитируются по Синодальному переводу.

⁶ Lundbom 2004, 171.

⁷ Lundbom 2004, 537.

«царем» (מֶלֶךְ), в то время как в большинстве пассажей книги Иезекииля он именуется «князем» (נָשִׂיא)⁸.

Другой разновидностью предсказаний о восстановлении династии Давида являются предсказания о судьбах конкретных царей, в первую очередь последних иудейских царей Иехонии и Седекии, с именами которых долгое время были связаны пророчества и надежды на восстановление династии Давида и иудейской государственности. Первые упоминания пророчеств о восстановлении независимого Иудейского царства и возвращении Иехонии на престол датируются временем непосредственно после пленения Иехонии. Об этом упоминает уже книга пророка Иеремии: «В тот же год, в начале царствования Седекии, царя Иудейского, в четвертый год, в пятый месяц, Анания, сын Азура, пророк из Гаваона, говорил мне в доме Господнем пред глазами священников и всего народа и сказал: Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: сокрушу ярмо царя Вавилонского; через два года Я возвращу на место сие все сосуды дома Господня, которые Навуходоносор, царь Вавилонский, взял из сего места и перенес их в Вавилон; и Иехонию, сына Иоакима, царя Иудейского, и всех пленных Иудеев, перешедших в Вавилон, Я возвращу на место сие, говорит Господь; ибо сокрушу ярмо царя Вавилонского» (Иер 28 : 1–4). Равным образом книга Иеремии сообщает о деятельности пророков среди изгнанников в Вавилоне — так, Иеремия пишет им: «Вы говорите: “Господь воздвиг нам пророков и в Вавилоне”» (Иер 29 : 15). Далее Иеремия предсказывает смерть пророкам Ахаву, сыну Колии, и Седекии, сыну Маасеи, «которые пророчествуют именем Моим ложь» (Иер 29 : 21), предрекая, что они будут казнены царем Навуходоносором. Это предсказание очевидным образом предполагает, что предсказания этих пророков носили антивавилонский характер и, вероятно, говорили о скором восстановлении независимости Иудеи. Равным образом Иеремия предрекает наказание свыше Шемае Нехеламитянину, который также пророчествовал в Вавилоне (Иер 29 : 31). Шемае написал в Иерусалим письмо с требованием запретить Иеремии пророчествовать, по той причине, что Иеремия предрек, что плен будет продолжителен (Иер 29 : 28) — судя по всему, Шемае придерживался противоположного мнения. Таким образом, можно предположить, что пророки, действовавшие в Вавилоне среди изгнанников, придерживались такого же мнения о скором восстановлении династии Давида, как и Анания, сын Азура, в это время действовавший в Иудее.

Иеремия весьма жестко высказывается о судьбе царской линии, происшедшей от Иоакима и его сына Иехонии. По словам пророка, «живу Я, сказал Господь: если бы Иехония, сын Иоакима, царь Иудейский, был перстнем на правой руке Моей, то и отсюда Я сорву тебя» (Иер 22 : 24). Равным образом неутешительны слова пророка о будущем Иехонии: «Так говорит Господь: запишите человека сего лишенным детей, человеком злополучным во дни свои, потому что никто уже из племени его не будет сидеть на престоле Давидовом и владычествовать в Иудее» (Иер 22 : 30). Напротив, пророк Иеремия или наследовавшая ему традиция усматривала некоторые перспективы в лице дяди Иехонии, последнего

⁸ Zimmerli 1983, 272.

иудейского царя Седекии, или его потомков⁹. Так, согласно пророчеству Иеремии, «и Седекия, царь Иудейский, не избегнет от рук Халдеев, но непременно будет предан в руки царя Вавилонского, и будет говорить с ним устами к устам, и глаза его увидят глаза его; и он отведет Седекию в Вавилон, где он и будет, доколе не посету его (וַיִּפְקֹדֵי יְהוָה)¹⁰, говорит Господь» (Иер 32 : 4–5). Указание на «посещение» Седекии в Вавилоне может говорить о грядущем изменении его судьбы к лучшему. Следующее пророчество, относящееся к судьбе Седекии, сообщает следующее: «Впрочем, слушай слово Господне, Седекия, царь Иудейский! так говорит Господь о тебе: ты не умрешь от меча; ты умрешь в мире, и как для отцов твоих, прежних царей, которые были прежде тебя, сожигали при погребении благовоения, так сожгут и для тебя и оплачут тебя: “увы, государь!”, ибо Я изрек это слово, говорит Господь» (Иер 34 : 4–5). Очевидно, что оказание подобных почестей скончавшемуся в темнице в Вавилоне царю представляется маловероятным, поэтому скорее всего здесь мы видим еще один намек на будущее возвращение Седекии на родину и на трон.

В книге Иезекииля мы также находим целый ряд указаний на будущие судьбы иудейской монархии. Центральное место в данном случае занимает пророческая притча (פְּשָׁט), содержащаяся в 17 главе книги Иезекииля. В ней изображается ливанский кедр, с которого прилетевший орел «снял верхушку» и «в городе торговцев положил ее» (Иез 17 : 4). Затем он сажает «у больших вод» виноградную лозу, которая разрастается, однако начинает тянуться к другому орлу (Иез 17 : 7). Далее притча разъясняется — верхушка кедра обозначает «царя и князей Израиля», высланных в Вавилон в 597 г. до н.э., а виноградная лоза — Седекию, которого Навуходоносор назначил иудейским царем после пленения Иехонии. Пророк предрекает ему поражение и неудачу как следствие нарушения присяги, принесенной им Навуходоносору (Иез 17 : 19). Далее он говорит о будущем восстановлении израильского царства: «Так говорит Господь Бог: и возьму я с вершины высокого кедра, и посажу; с верхних побегов его оторву нижнюю отрасль и посажу на высокой и величественной горе. На высокой горе Израилевой посажу его, и пустит ветви, и принесет плод, и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его» (Иез 17 : 22–23). Судя по всему, пророк говорит здесь о возвращении Иехонии или кого-то из его потомков в Иудею и о будущем восстановлении независимого иудейского царства.

Большой интерес также представляет один пассаж книги Царств, очевидно написанный в эпоху Вавилонского плена, ближе к середине этого периода. Это знаменитое завершение сочинения девтерономиста, автора гипотетической «второзаконнической истории», рассказывающее об освобождении Иехонии из темницы вавилонским царем Амель-Мардуком. В нем мы читаем, что вавилонский царь в год своего воцарения «вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома

⁹ Pakkala 2006, 443–452.

¹⁰ Цитаты из библейских книг на языке оригинала приводятся по следующим изданиям и ресурсам: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, 1997; Interlinear Septuagint (URL: <http://en.katabiblon.com/us/?text=LXX>; дата обращения: 13.11.2023).

темничного. И говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престолов царей, которые были у него в Вавилоне <...>. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его» (4 Царств 25 : 27–28, 30). Этот пассаж давно стал предметом полемики между сторонниками теорий, восходящих к Герхарду фон Раду¹¹ и к Мартину Ноту¹². Если первый полагал, что в данном случае мы видим намек на восстановление династии Давида и продолжение действия божественного обещания давидидам (2 Царств 7 : 11–16), то второй усматривал в нем всего лишь суеверное желание закончить повествование на хоть сколько-нибудь обнадеживающей ноте. Обе точки зрения имеют сторонников и среди современных исследователей. Так, Дж. Левенсон полагает, что речь в этом пассаже идет о заключении вассального договора между Амель-Мардуком и Иехонией, который получает свой статус как признанный вассальный царь, представитель еврейской диаспоры в Вавилоне¹³. Другие исследователи¹⁴ отмечают, что отсутствие упоминания сыновей Иехонии и указание на то, что «содержание постоянное выдаваемо было ему от царя изо дня в день, во все дни жизни его» (4 Царств 25 : 30), дают понять, что это была только личная милость царя по отношению к Иехонии, который уже скончался ко времени окончания сочинения девтерономиста. Как нам кажется, можно предложить версию, опирающуюся на обе традиции интерпретации этого пассажа: скорее всего, освобождение Иехонии из темницы породило всплеск надежд на немедленное восстановление династии Давида и воссоздание иудейского государства, пусть даже как вассала вавилонского царя. К моменту окончания сочинения девтерономиста Иехония уже скончался, надежды на восстановление независимости Иудеи угасли, поэтому автор сообщает об этом памятном событии, однако рассказывает о нем скорее как об историческом факте, не придавая ему какого-либо пророческого или религиозного смысла.

Как видно, в ранний период Вавилонского плена могли существовать разные фракции, поддерживавшие кандидатуры разных претендентов на будущий иудейский престол. Так, определенная группа изгнанников, вероятно, связанная с созданием первой редакции книги Иеремии, поддерживала кандидатуру Седекии. С другой стороны, описание ослепления Седекии и казни его сыновей и придворных (4 Царств 25 : 7), которое может основываться на слухах и вавилонской пропаганде, могло преследовать цель показать, что царская линия, происходящая от Седекии, оборвана, и единственная правомочная линия происходит от Иехонии, об освобождении которого говорится в последних стихах книги Царств¹⁵. Возможно, что этот пассаж книги Царств был результатом полемики между сторонниками двух царских линий давидидов, происходивших от Иосии — от его внука Иехонии и от его сына Седекии. По мнению Ю. Паккалы, «в ранний период изгнания должна была иметь место полемика относительно династической

¹¹ Von Rad 1947, 64.

¹² Noth 1957.

¹³ Levenson 1984, 356–358.

¹⁴ Begg 1986; Murray 2001, 263.

¹⁵ Pakkala 2006, 444.

линии. В первые годы после разрушения Иерусалима еще существовала надежда, что династия Давида вернется на трон, но при существовании двух линий возник спор о том, какая из них представляет династию»¹⁶.

Пророчества о возрождении династии Давида начинают исчезать из активного бытования и переходить в область мессианских пророчеств уже после окончания Вавилонского плена. Вероятно, последним непосредственным претендентом на эту роль был Зоровавель, внук Иехонии (1 Пар 3 : 17–19), роль которого как одного из руководителей еврейской общины Иерусалима выходит на первый план в книгах пророков Аггея и Захарии. После него мы не знаем других претендентов на престол Давида; все последующие еврейские претенденты на царство не будут прибегать к происхождению от Давида как к обоснованию своего статуса. Однако в литературе, бытовавшей в еврейской общине в более позднее время, мы встречаем два сюжета, которые, вероятно, могут быть непосредственно связаны с более ранней традицией преданий и пророчеств о восстановлении династии Давида.

Первым из них является рассказ о царе Манассии, содержащийся в книге Хроник. Согласно книге Царств, Манассия был одним из дурных царей, который обвиняется в возобновлении языческих практик, отмененных его отцом, и в пролитии невинной крови (4 Царств 21 : 1–17). Тем не менее Манассия правил дольше всех царей, описанных девтерономистом, — пятьдесят пять лет. Возможно, это несоответствие между его грехами и долгим правлением, которое должно было бы быть наградой за праведность, побудило автора книги Хроник переделать историю Манассии. В ней описывается, что в наказание за грехи Манассии «привел Господь на них военачальников царя Ассирийского, и заковали они Манассию в кандалы, и оковали его цепями, и отвели его в Вавилон» (2 Пар 33 : 11). В темнице Манассия «глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему, и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его» (2 Пар 33 : 12–13).

История Манассии выглядит откровенно странно. Интерес автора книги Хроник к исторически отдаленной личности еще ассирийской эпохи не вполне понятен. Рассказ о Манассии выглядит исторически неправдоподобным¹⁷. Мы не имеем никакой информации о пленении Манассии ассирийцами из других источников, книга Царств не содержит никакой информации об удивительном изменении в характере и политике царя. Равным образом Манассию в сугубо негативном контексте упоминает книга Иеремии: «И отдам их на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, за то, что он сделал в Иерусалиме» (Иер 15 : 4). О пленении Манассии ничего не сообщают и ассирийские источники¹⁸.

Возможно, что рассказ книги Хроник о Манассии имел какой-то переосмысленный автором литературный источник¹⁹, передающий молитву Манассии к Богу или богам (אל אלהיו) (2 Пар 33 : 18), — не вполне понятно, составленный монотеистом или политеистом. Тем не менее зависимость общего построения его

¹⁶ Pakkala 2006, 450–451.

¹⁷ Japhet 1985.

¹⁸ Gane 1997, 25.

¹⁹ Schniedewind 1991.

истории от литературных образцов послевоенной эпохи слишком очевидна. По мнению исследователей, Манассия представляет собой тип или образ Израиля²⁰, а история его пленения, заключения и раскаяния имеет примечательные параллели с историко-этической концепцией книги Второзакония (Втор 4 : 30–31). Однако, как нам кажется, еще больший интерес представляют прямые параллели между историями Манассии и других иудейских царей — Иоакима, Иехонии и Седекии. Все указанные истории упоминают заковывание царя в цепи и его депортацию в Вавилон. Как известно, Вавилон никогда не был столицей Ассирийской империи и его появление в рассказе о Манассии очевидным образом указывает на непосредственное влияние рассказов о начале Вавилонского плена. Равным образом, интересна прямая лексическая перекличка между рассказом о Манассии и повествованиями об иудейских царях: וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים וַיִּלְכְּוּהוּ בַכֶּלֶה «оковали его цепями, и отвели его в Вавилон» (2 Пар 33: 11) относительно Манассии, וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים לְהַלְכֵהוּ בַכֶּלֶה «оковал его оковами, чтоб отвести его в Вавилон» (2 Пар 36 : 6) относительно Иоакима, וַיִּבְאוּהוּ בַכֶּלֶה וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים «сковали его оковами, и отвели его в Вавилон» (4 Царств 25 : 7) относительно Седекии.

Таким образом, мы можем предположить, что автор книги Хроник, имея под рукой какой-то источник, упоминающий о молитве Манассии, применил к нему классический сюжет, связанный с именами Иехонии или Седекии²¹. Этот сюжет включает в себя отказ царя слушать пророков, пленение вавилонянами, заковывание в цепи, переселение в Вавилон и заключение в темницу — и затем покаяние и возвращение на царство. Судя по всему, он фигурировал в качестве готовой схемы, представляющей будущую судьбу этих царей, — схемы, которая не получила воплощения в исторической реальности. Упоминание книги Иеремии о том, что Господь «посетит» (דָּפַק) находящегося в темнице Седекию, очень близко к фрагменту той же самой схемы — мы видим здесь фактически предсказание эпизода, фигурирующего в книге Хроник применительно к Манассии. Аналогичные предсказания были связаны с судьбой Иехонии — притча пророка Иезекииля о высоком кедре говорит о возвращении ростков с его верхушки на гору Сион, а рассказ девтерономиста об освобождении Иехонии из темницы, возможно, является попыткой найти какое-то исполнение первоначальных ожиданий и пророчеств о возвращении Иехонии на царский трон. Судя по всему, в предсказаниях, надеждах и ожиданиях сформировался готовый сюжет, первоначально относившийся к Иехонии или Седекии (в зависимости от конкретных симпатий к тому или иному претенденту), который впоследствии был перенесен в более отдаленное прошлое Иудеи и применен к Манассии.

В еще более интересной форме традиция пророчеств о возрождении династии Давида, возможно, отразилась в книге Даниила. Можно предположить, что в четвертой главе книги Даниила содержится классическая пророческая притча, первоначально повествовавшая о будущем восстановлении династии Давида и царства Израиля. Четвертая глава книги Даниила относится к арамейским разделам

²⁰ Schniedewind 1991, 451–455; Henze 2016, 192.

²¹ Исследователи уже обращали внимание на параллели между историями Манассии и Иехонии и Седекии: Ben Zvi 2019.

книги — повествованиям о жизни пророка Даниила и его пребывании при вавилонском дворе. По мнению большинства исследователей, эти тексты восходят к периоду не позднее IV—III вв. до н.э.²² К наиболее древнему пласту книги Даниила традиционно причисляют раздел Дан 3 : 31 — Дан 6 : 28. Эта точка зрения основывается на анализе греческого перевода книги Даниила, первоначально вошедшего в состав Септуагинты — в рассматриваемом разделе он серьезно отличается от арамейского повествования, представленного в масоретском тексте книги Даниила, что позволяет заключить, что в основу перевода лег более ранний сборник историй о пророке Данииле, бытовавший в качестве отдельного произведения²³.

Повествование Дан 4 по своему жанру представляет собой классическую «придворную историю», близкую к рассказу, появляющемуся в Дан 2. Оно представлено в виде письма Навуходоносора, начинающегося со стиха Дан 3 : 31 и обращенного ко всем «народам, племенам и языкам». Далее следует история явившегося Навуходоносору сна, приводится беседа царя с пророком Даниилом и пересказ сна — царь видел во сне «великое дерево», имевшее черты мирового древа. Затем с небес спускается עֵיר וקֹדֶשׁ «святой страж»²⁴ (Дан 4 : 10), очевидно ангельское существо, который произносит приговор над этим деревом — оно будет срублено, и будет сохранен лишь его корень, который будет находиться в «узах железных и медных», «дабы знали живущие на земле, что Всевышний властвует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан 4 : 14). Даниил истолковывает этот сон, говоря, что дерево обозначает самого царя, а сон предрекает потерю Навуходоносором царства, удаление царя от людей, его метафорическое обращение в животное, и все это продлится семь лет, пока он не «познает власть небесную». Затем предсказание исполняется — Навуходоносор действительно лишается царства, находится в пустыне в животном облике, до тех пор пока разум не возвращается к царю и он не признаёт всемирный суверенитет Бога, после чего возвращается на царство.

История, изложенная в Дан 4, имеет достаточно сложный характер, очевидным образом опираясь на целый ряд вавилонских и иудейских фольклорных и литературных традиций²⁵. Мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении сна Навуходоносора и его толкования пророком Даниилом, описанных в Дан 4 : 7—14. Судя по всему, в основе рассказа о сне Навуходоносора лежали вавилонские повествования о снах и откровениях последнего вавилонского царя Набонида (556—539 гг. до н.э.), полученных им от бога Сина и побудивших его сначала оставить Вавилон и отправиться в аравийскую Тейму, а затем, через десять лет, возвратиться в свою столицу²⁶. Повествование об этом, в частности, содержится

²² Kratz 1991; Collins 1993, 35—37.

²³ Albertz 2001, 179—183.

²⁴ Цитата приводится по переводу Российского Библейского общества; «страж» в данном пассаже в соответствии с традицией, также отразившейся в книге Еноха, обозначает ангельское существо.

²⁵ Haag 1983; Wills 1990, 85—121.

²⁶ Collins 1993, 217; Newsom 2014, 128—132.

в Харранской надписи Набонида²⁷, по мнению ряда исследователей непосредственно повлиявшей на традицию, отразившуюся в Дан 4²⁸. В ней Набонид повествует о том, как он из-за нечестия вавилонян по велению бога Сина покинул Вавилон и удалился в Аравию, где находился в течение десяти лет, пока не пришел указанный свыше срок его возвращения в Вавилон. На протяжении всего рассказа Набонид неоднократно упоминает свои сны – и явление Сина, повелевшего ему восстановить свой храм в Харране, и беспокойные сны, являвшиеся Набониду во время его пребывания в Аравии.

Вавилонская традиция, однако, никак не раскрывает нам содержания большинства снов Набонида, и описанный в Дан 4 сон Навуходоносора очевидно происходит из еврейской фольклорной и литературной традиции. Повествование о расположенном среди земли дереве и его последующем срубании выглядит как довольно сложный текст, происхождение которого мы попытаемся установить. Несмотря на наличие некоторых аналогий этой темы в ассирийском искусстве²⁹ и в «Истории» Геродота (I. 108), наиболее близкие аналогии появляются именно в еврейской традиции, в книгах Исаии и Иезекииля. В книге Исаии образ дерева возникает в повествовании о божественном наказании Иуды и соседних государств, которое осуществится во время ассирийского и вавилонского завоевания. Эту тему мы находим в Ис 6 : 12–13 и Ис 10 : 33–11: 1:

И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней [и возвратится]³⁰, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень (מַצְבֵּה) их, так святое семя будет корнем ее (Ис 6 : 12–13).

Вот, Господь, Господь Саваоф, страшною силою сорвет ветви деревьев, и величающиеся ростом будут срублены, высокие — повержены на землю. И посетит чашу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего. И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его (Ис 10 : 33 — Ис 11 : 1).

Приведенные пассажи относятся к разным периодам эволюции книги Исаии. В Ис 10 : 33–34 деревья, срубленные Богом, описываются как «высокие» и «величающиеся ростом». Эти деревья изображают ближневосточные государства, которые будут уничтожены в результате прямого божественного вмешательства. Далее эта метафора продолжается — на месте срубленного дерева, символизирующего разгромленное Ассирией Израильское царство, появляется росток (טֶרֶם или נֶצֶר), обозначающий нового монарха Иудейского царства. Эта картина, вероятно, восходит к эпохе пророка Исаии и описывает ситуацию, сложившуюся в правление царя Езекии (716/715–687/686)³¹.

К более позднему периоду относятся стихи Ис 6 : 11–13. Текст 6 главы книги Исаии повествует о призвании пророка Исаии, произошедшем «в год смерти

²⁷ Pritchard 1992, 562–563.

²⁸ Newsom 2014, 129–132.

²⁹ Parpola 1993.

³⁰ Современные библейские переводы передают фразу וְהִתָּה לְבַעַר как указание на повторное действие «снова нагрянет разорение» (перевод Российского Библейского общества), «it will be burned again» (New Revised Standard Version).

³¹ Young 2012, 177–180.

царя Озии» (Ис 6 : 1). Стихи Ис 6 : 12–13, по мнению большинства комментаторов, выдают признаки более поздних расширений этого пассажа, относящихся к эпохе после начала Вавилонского плена³². Наибольший интерес для нас представляет стих Ис 6 : 13, где оставшийся от дерева корень символизирует «святое семя» (זרע קדש), иудейскую общину, оставшуюся после вавилонского завоевания или вернувшуюся из Вавилонского плена³³, которая в будущем должна стать основанием для возрождения избранного народа.

Другим источником, активно использующим символические образы деревьев, является книга Иезекииля. Мы находим их в двух пассажах этого текста. В 31 главе книги Иезекииля рассказывается об уничтожении великого дерева, так же, как и дерево в Дан 4, имеющего черты мирового древа:

Вот, Ассур был кедр на Ливане, с красивыми ветвями и тенистой листвою, и высокий ростом; вершина его находилась среди толстых сучьев. Воды растили его, бездна поднимала его, реки его окружали питомник его, и она протоки свои посылала ко всем деревьям полевым. Оттого высота его перевысила все деревья полевые, и сучьев на нем было много, и ветви его умножались, и сучья его становились длинными от множества вод, когда он разрастался <...> И срубили его чужеземцы, лютейшие из народов, и повергли его на горы; и на все долины упали ветви его; и сучья его сокрушились на всех лощинах земли, и из-под тени его ушли все народы земли, и оставили его. На обломках его поместились всякие птицы небесные, и в сучьях были всякие полевые звери. Это для того, чтобы никакие деревья при водах не величались высоким ростом своим и не поднимали вершины своей из среды толстых сучьев, и чтобы не прилеплялись к ним из-за высоты их дерева, пьющие воду; ибо все они будут преданы смерти, в преисподнюю страну вместе с сынами человеческими, отшедшими в могилу (Иез 31 : 3–14).

Этот пассаж точно датирован «в одиннадцатом году, в третьем месяце, в первый день месяца» (21 июня 587 года до н.э.; Иез 31 : 1)³⁴, непосредственно во время осады Иерусалима. Его чтение традиционно вызывает затруднения у исследователей, так как обращение к фараону (Иез 31 : 18) подразумевает аналогию между деревом и Египтом, а упоминание Ассирии — между деревом и Ассирией. Комментаторы выходят из него либо рассматривая текст как повествование о судьбе Ассирии и, таким образом, урок Египту³⁵, либо предлагая альтернативные чтения, исключаяющие слово «Ассирия» (אַשּׁוּר) из этого пассажа³⁶. Вероятно, этот пассаж говорит одновременно о двух мировых державах, в той или иной степени уравнивая их между собой. Здесь высокое древо в равной степени оказывается символом имперской мощи и имперской гордыни.

Другой пассаж, появляющийся в Иез 17, соотносит с высоким древом уже не иноземные государства, а Иудейское царство. Этот текст был, судя по всему, написан до разрушения Иерусалима, но уже после отпадения Седекии от Вавилона. Иудейское царство сравнивается с ливанским кедром, а депортированная в Вавилон иудейская элита, и в первую очередь династия Давида, — с ее верхушкой. Седекия, назначенный Навуходоносором иудейским царем после пленения

³² Berges 2012, 84–89; Williamson 2018, 84.

³³ Williamson 2018, 85.

³⁴ Zimmerli 1983, 148.

³⁵ Bewer 1953, 164–165; Odell 2005, 392.

³⁶ Zimmerli 1983, 141–142.

Иехонии, сравнивается с виноградной лозой (יֵשׁוּב), растением, традиционно символизирующим Израиль, но менее царственным, чем кедр. Иезекииль предсказывает Седекии поражение и пленение в Вавилоне. Однако в будущем Иезекииль предрекает восстановление Иудейского государства и династии Давида, которое символизируется отростком кедра, вновь посаженным на горе Сион и превратившимся в величественное дерево (Иез 17 : 22–23). По мнению Я. Дугуида, речь идет о будущем возрождении независимости Иудеи и династии Давида³⁷; по мнению Р. Фостера, здесь говорится о возвращении Иехонии и этот пассаж был написан после освобождения Иехонии из темницы³⁸.

Таким образом, мы можем заключить, что образ дерева в еврейской пророческой традиции VIII–VI вв. до н.э. часто использовался для обозначения государства, причем этот образ нередко приобретал сложный характер, одновременно обозначая государство и его правителя. Примечательно, что акцент на изображении государства был даже более распространен, а правитель мог иногда изображаться как верхушка дерева (Иез 17 : 2) или отросток от корня дерева (Ис 11 : 1). В четвертой главе книги Даниила с деревом сопоставляется Навуходоносор, с корнем — тот же Навуходоносор, оказавшийся в состоянии болезни и изгнания. Какое происхождение может иметь эта образность? Вавилонские повествования о Набониде, упоминая его сны, представляют их совсем иначе — обычно это непосредственные явления богов, а не метафорические изображения будущих событий, подобные сну фараона, истолкованному Иосифом (Быт 41). Если даже в вавилонской традиции добровольное изгнание царя предвлялось сном (в своей Харранской надписи Набонид говорит, что покинул Вавилон по указанию бога Сина, но не сообщает о том, каким образом он это указание получил), то он скорее всего состоял в явлении Сина, предписавшего царю отправиться в Аравию на десять лет. В Дан 4 мы, напротив, находим развернутый сюжет, который, по всей видимости, имеет еврейское происхождение. Некоторые исследователи высказывали предположение, что его непосредственным источником стало символическое изображение фараона в Иез 31 в виде ливанского кедра³⁹. Разумеется, можно предположить, что автор сам сочинил сон Навуходоносора с оглядкой на литературные источники. Однако нам представляется, что он скорее заимствовал сюжет сна из известной ему литературной или фольклорной традиции, придав ему новый смысл. Чтобы обосновать эту точку зрения, мы продемонстрируем, что во многих случаях образность сна довольно плохо связана с приводимым толкованием.

Во-первых, некоторое несоответствие возникает в связи с наличием в нем двух структурных элементов — дерева и оставшегося от него пня или корня (שֵׁט). В Ис 6 : 13, пассаже, относящемся, по мнению большинства комментаторов, к эпохе после начала Вавилонского плена, срубленное дерево символизирует Израиль, а корень или пень — «святое семя», избранную общину, оставшуюся после вавилонского завоевания⁴⁰ (Ис 6 : 13). В другом пассаже книги Исаии мы видим

³⁷ Duguid 1994, 44–45.

³⁸ Foster 1958, 374–379.

³⁹ Porteous 1965, 66–67.

⁴⁰ Berges 2012, 87–89.

соотнесение корня и растущих от него отростков с династией Давида — отцом царя Давида Иессеем и царем Иезекией⁴¹ (Ис 11 : 1). Применение обоих образов (великого дерева и оставшегося от него пня) к одному и тому же лицу, царю Навуходоносору, выглядит как менее последовательное истолкование образности сна.

Во-вторых, обращает на себя внимание изначальный политический контекст образности сна Навуходоносора, который теряется в его толковании. Символизм царя и государства часто объединяется в образ дерева, но всегда в тех случаях, когда речь идет об общей судьбе государства и царя. Засыхание виноградной лозы означает разрушение Иерусалима и пленение Седекии (Иез 17 : 9); срубание ливанского кедра означает падение Ассирии и будущую гибель египетского фараона (Иез 31 : 18); произрастание отрасли «от корня Иессеева» — явление нового царя Иудейского царства, который должен возродить Израиль после ассирийского завоевания Северного царства⁴² (Ис 11 : 1–2). Однако ни в одном пассаже мы не встречаем примера, чтобы болезнь царя или его удаление от дел обозначались с помощью столь драматичной символики. Исходя из этого, мы можем предположить, что символизм Дан 4 связан не столько с историей конкретного царя, сколько с историей возглавляемого им царства.

Особый интерес вызывает оптимистический финал сна — после тяжелых испытаний, которые выпадут на долю царя или царства, символизируемых деревом, его ожидает возрождение. Примечательно, что если образ высоких деревьев может быть связан и с еврейскими, и с нееврейскими государствами, то образ пня или корня в Библии связан исключительно с иудейской монархией. Этот оптимистический финал выглядит тем более интересно, что он набросан в виде импрессионистского эскиза — мы видим только образ уцелевшего корня (Дан 4 : 12–14), возрождение которого предвидится, но прямо не предсказывается, в отличие от книги Исаии и Иезекии.

Наконец, на непосредственную связь истории Навуходоносора и рассказов о пленении последних иудейских царей указывает еще один мотив, встречающийся во всех этих повествованиях, — пленение царя, его заковывание в цепи и заключение в темницу. Судя по всему, этот мотив относится к первоначальному пласту Дан 4, восходящему к гипотетическому протографу, легшему в основу как масоретского текста, так и перевода Септуагинты. Особый интерес для нас представляют два отрывка Дан 4 — рассказ о приговоре святых и стражей и толкование сна Навуходоносора, сделанное пророком Даниилом. Судя по всему, более оригинальный вариант приговора стражей сохранился в толковании сна пророком Даниилом (Дан 4 : 20). Соотнесение приведенного в Дан 4 : 11–14 приговора стражей с его цитированием пророком Даниилом в Дан 4 : 20 позволяет заключить, что фразы «пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его» (Дан 4 : 11) и «сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное» (Дан 4 : 13), отсутствующие в рассказе пророка Даниила о сне царя, скорее всего являются редакторской вставкой. Это предположение подтверждает и обращение к греческому тексту книги Даниила, дошедшему до нас в составе перевода

⁴¹ Young 2012, 180.

⁴² Young 2012, 179–180.

Септуагинты, где указанные пассажи также отсутствуют. Появление подробного описания падения великого дерева в Дан 4 : 11 скорее всего является результатом влияния книги Иезекииля (Иез 31 : 12), а упоминание изменения «сердца» царя несомненно проистекает из приведенной далее истории Навуходоносора⁴³. Судя по всему, первоначальная форма приговора стражей сохранилась именно в стихе Дан 4 : 20: «срубите это дерево и истребите его, только главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается росойю небесною, и с полевыми зверями пусть будет часть его, доколе не пройдут над ним семь времен».

Образы «полевой травы» (דְּתָאא דִּי בְרָא) и «небесной росы» (טֵל שְׁמַיָּא) появляются и в дальнейшем тексте истории Навуходоносора, описывающем его пребывание в отдалении от людей. Указание на пребывание с «полевыми зверями» (חַיֵּי בְרָא) также связано с сюжетом дальнейшего повествования. Тем не менее мотив заключения корня дерева в «узы железные и медные» (אֶסְרֹר דִּי פִרְלֹ וְנַחֲשֵׁ), который активно развивается в арамейском и греческом текстах, практически никак не проявляется в исполнении предсказания о судьбе Навуходоносора. В арамейском тексте книги Даниила этот мотив появляется в Дан 4 : 12 и Дан 4 : 20, но не находит никакого соответствия в исполнении предсказания о безумии Навуходоносора. Еще более интересное развитие этот мотив претерпевает в греческом тексте Дан 4. Там изображение судьбы корня дерева появляется в исполнении пророчества стражей, услышанного Навуходоносором во сне: «καὶ εἰς φυλακὴν παρεδόθη καὶ ἐν λέδαϊς καὶ ἐν χειροπέδαϊς χαλκαῖς ἐδέθη ὑπ' αὐτῶν (И он был брошен в темницу и связан цепями и медными оковами)» (Дан 4 : 17). Далее этот мотив появляется в толковании Даниилом сна царя: «εἰς φυλακὴν ἀπάξουσὶ σε καὶ εἰς τόπον ἔρημον ἀποστελοῦσί σε (Они бросят тебя в темницу и отошлют тебя в пустынное место)» (Дан 4 : 25). Он снова возникает в словах небесного гласа, услышанных расхаживающим по вавилонской стене Навуходоносором: «καὶ οἱ ἄγγελοι διώξονται σε ἐπὶ ἑτὶ ἑπτὰ (И ангелы будут преследовать тебя семь лет) <...> ἰδοὺ ἀντὶ τῆς δόξης σου δήσουσί σε καὶ τὸν οἶκον τῆς τρυφῆς σου καὶ τὴν βασιλείαν σου ἕτερος ἔξει (вот, вместо твоей славы они свяжут тебя и другой получит твой роскошный дом и твое царство)» (Дан 4 : 32).

Как видно, мотив заковывания в цепи является неотъемлемой составляющей этого рассказа — с него начинается описание того, что произойдет с корнем дерева. В греческом тексте этот мотив развивается вплоть до того, что корень дерева заключается в темницу, затем говорится о заключении в темницу самого царя или о его связывании ангелами. Однако в арамейском тексте книги Даниила мы вообще не видим исполнения этого предсказания, а в переводе Септуагинты оно присутствует только в виде краткого указания, не получающего дальнейшего развития («они бросят тебя в темницу» Дан 4 : 25). Мотив заковывания в цепи или заключения в темницу отсутствует и в вавилонских источниках, связанных с традицией, отразившейся в Дан 4. Его нет в Харранской надписи Набонида и в еще одном вероятном источнике Дан 4, пророчестве Навуходоносора о будущем падении Вавилона, приведенном Евсевием Кесарийским со ссылкой на халдейского

⁴³ Coxon 1986, 99–100.

историка Абидена⁴⁴. Равным образом его нет в кумранской Молитве Набонида (4Q242), произведении, которое сохранило наиболее близкую связь с вавилонской традицией⁴⁵. Исследователи затрудняются дать объяснение этому мотиву⁴⁶. Еще более интересен образ заточения в темницу, который достаточно последовательно проводится в греческом тексте, однако также не получает удовлетворительного объяснения в истории Навуходоносора.

Тем не менее образ заключения в цепи и заточения в темницу становится намного понятнее, если мы попытаемся рассмотреть его на фоне других библейских описаний царей, закованных в цепи или заключенных в темницу. Все эти описания связаны с разными личностями, но фактически только с одним событием — попаданием иудейских царей в Вавилонский плен. Мы встречаем его в целом ряде библейских пассажей, сообщающих нам о судьбах Манассии (2 Пар 33 : 11), Иоакима (2 Пар 36 : 6) и Седекии (4 Царств 25 : 7). Эпизоды, связанные с пленением и заковыванием в цепи, присутствуют в историях всех упомянутых царей — и в большинстве случаев мы также находим намеки на их будущее восстановление в своем первоначальном статусе. Как видно, схема историй этих иудейских царей очень напоминает сюжет сна Навуходоносора, приведенного в Дан 4.

Все указанные обстоятельства наводят нас на мысль о том, что первоначально рассказ об огромном дереве, его срубании и судьбе корня дерева был повествованием о судьбе иудейской монархии и ее последних царей. Срубание дерева и сохранение корня может обозначать уничтожение царства и оставление в живых его последнего царя и его сыновей, что может давать надежду на будущее возрождение царства. Равным образом, корень дерева, закованный в железные и медные цепи, мог символизировать как судьбы иудейских царей, так и судьбу всего еврейского народа, оказавшегося в Вавилонском плену. В еврейской фольклорной и литературной традиции сложилась готовая схема повествования, которая первоначально применялась к Иехонии и Седекии, а после их смерти — к легендарным повествованиям о царях прошлого, Манассии и Навуходоносоре. Частью этой схемы могло быть метафорическое изображение происходящих с царем событий, подобное сну Навуходоносора, изложенному в книге Даниила. Оно могло первоначально выступать не в виде вещего сна, мотив которого явно сложился под влиянием вавилонских преданий о Набониде и жанра «дворцовых историй», подобных истории Иосифа, а в виде пророческой притчи, адресованной упомянутым выше царям. Ее появление в книге Даниила выглядит вполне ожидаемо, учитывая, что арамейские тексты, повествующие о жизни пророка Даниила в Вавилоне, по мнению большинства исследователей, сложились в вавилонской диаспоре⁴⁷. Исследователи уже обращали внимание на весьма вероятную связь между легендами о Набониде и Дан 4⁴⁸, а также между преданиями времен персидского завоевания Вавилона и Дан 2 и Дан 5⁴⁹. Очевидно, что бытование в еврейской

⁴⁴ Wills 1990, 98–101.

⁴⁵ Henze 1999, 64–73.

⁴⁶ Newsom 2014, 140–141.

⁴⁷ Collins 1993, 47–50; Newsom 2014, 21–23.

⁴⁸ Von Soden 1935; Collins 1993, 217; Newsom 2014, 128–132.

⁴⁹ Davies 1976; Fröhlich 1996, 11–48.

диаспоре Вавилонии сюжета, первоначально связанного с будущими судьбами династии Давида и позднее соотнесенного книгой Даниила с вавилонским царем, также выглядит вполне вероятным.

Пророчества о будущем восстановлении династии Давида, вероятно, активно бытовали в продолжение первых десятилетий после начала Вавилонского плена. Освобождение Иехонии относится к 562 г. до н.э., и, вероятно, книга Царств была завершена вскоре после этой даты, когда надежды на восстановление автономии Иудеи под властью династии Давида еще сохранялись в народной памяти. После того как эти пророчества не исполнились, мы наблюдаем распад этой традиции. В книге Иеремии она сохраняется в виде отдаленных воспоминаний; в книге Царств автор пытается увидеть ее исполнение в освобождении Иехонии из темницы и получении им почестей от вавилонского царя. В книге Исаии и Иезекииля указанные тексты были осмыслены в национальном контексте, без привязки к конкретным историческим фигурам — сложно сказать, было ли такое осмысление исконным или сформировавшимся после угасания надежд на скорую реставрацию монархии. Наконец, в более полной форме приведенная история сохранилась в книге Хроник и в книге Даниила. В книге Хроник вся схема пророчества о судьбе Иехонии/Седекии была отнесена к Манассии — неисполнившиеся пророчества были перенесены в прошлое и осмыслены как исполнившиеся в прошлом, еще в ассирийскую эпоху. Наконец, в книге Даниила пророчество и его толкование, первоначально относившиеся к Иудейскому царству и Иехонии/Седекии, были переосмыслены как относящиеся к Навуходоносору и вплетены в цикл вавилонских легенд о Набониде. Ознакомившись с текстом Харранской надписи (или с восходящими к нему повествованиями), вавилонские евреи увидели в ней подобие легенды, содержащейся в их собственной легендарной традиции. В результате легендарные мотивы, содержащиеся в истории последних иудейских царей, в книге Даниила были вплетены в историю Навуходоносора, основанную на традиции, первоначально связанной с Набонидом, последним вавилонским царем.

Литература / References

- Albertz, R. 2001: The Social Setting of the Aramaic and Hebrew Book of Daniel. In: J.J. Collins, P.W. Flint (eds.), *The Book of Daniel. Composition and Reception*. Vol. I. Leiden—Boston—Köln, 171—204.
- Begg, C.T. 1986: The Significance of Jehoiachin's Release: A New Proposal. *Journal for the Study of the Old Testament* 11 (36), 49—56.
- Ben Zvi, E. 2019: Reading Chronicles and Reshaping the Memory of Manasseh. In: E. Ben Zvi, *Social Memory among the Literati of Yehud*. Berlin—Boston, 367—386.
- Berges, U.F. 2012: *The Book of Isaiah: Its Components and Final Form*. Translated by M. Lind. Sheffield.
- Bewer, J.A. 1953: Textual and Exegetical Notes on the Book of Ezekiel. *Journal of Biblical Literature* 72/3, 158—168.
- Blenkinsopp, J. 1983: *A History of Prophecy in Israel*. Philadelphia.
- Collins, J.J. 1993: *A Commentary on the Book of Daniel*. Minneapolis.
- Coxon, P.W. 1986: The Great Tree of Daniel 4. In: J.D. Martin, P.R. Davies (eds.), *A Word in a Season. Essays in Honour of William McKane*. Sheffield, 91—111.
- Davies, P.R. 1976: Daniel Chapter Two. *Journal of Theological Studies* 27/2, 392—401.
- Duguid, I.M. 1994: *Ezekiel and the Leaders of Israel*. Leiden—New York—Köln.

- Foster, R.S. 1958: A Note on Ezekiel XVII 1–10 and 22–24. *Vetus Testamentum* 8/4, 374–379.
- Fröhlich, I. 1996: “Time and Times and Half a Time”. *Historical Consciousness in the Jewish Literature of the Persian and Hellenistic Eras*. Sheffield.
- Gane, R.E. 1997: The Role of Assyria in the Ancient Near East during the Reign of Manasseh. *Andrews University Seminary Studies* 35/1, 21–32.
- Haag, E. 1983: *Die Errettung Daniels aus der Löwengrube. Untersuchungen zum Ursprung der biblischen Danieltradition*. Stuttgart.
- Henze, M. 1999: *The Madness of King Nebuchadnezzar: The Ancient Near Eastern Origins and Early History of Interpretation of Daniel 4*. Leiden–Boston–Köln.
- Henze, M. 2016: King Manasseh of Judah in Early Judaism and Christianity. In: G.J. Brooke, A. Feldman (eds.), *On Prophets, Warriors, and Kings. Former Prophets through the Eyes of Their Interpreters*. Boston, 183–228.
- Japhet, S. 1985: The Historical Reliability of Chronicles: The History of the Problem and Its Place in Biblical Research. *Journal for the Study of the Old Testament* 10 (33), 83–107.
- Kratz, R.G. 1991: *Translatio Imperii. Untersuchungen zu den aramäischen Danielerzählungen und ihrem theologiegeschichtlichen Umfeld*. Neukirchen-Vluyn.
- Levenson, J.D. 1984: The Last Four Verses in Kings. *Journal of Biblical Literature* 103/3, 353–361.
- Lundbom, J.R. 2004: *Jeremiah 21–36. A New Translation with Introduction and Commentary*. New York.
- McKenzie, S.L. 2004: *I & II Chronicles*. Nashville.
- Murray, D.F. 2001: Of All the Years the Hopes – or Fears? Jehoiachin in Babylon (2 Kings 25 : 27–30). *Journal of Biblical Literature* 120/2, 245–265.
- Newsom, C.A. 2014: *Daniel. A Commentary*. Louisville.
- Noth, M. 1957: Zur Geschichtsauffassung des Deuteronomisten. In: A.Z. Velidi Togan (ed.), *Proceedings of the Twenty-Second Congress of Orientalists, Held in Istanbul, September 15th to 22nd, 1951*. Vol. II. Leiden, 558–565.
- Noth, M. 1981: *The Deuteronomistic History*. Sheffield.
- Odell, M.S. 2005: *Ezekiel*. Macon.
- Pakkala, J. 2006: Zedekiah’s Fate and the Dynastic Succession. *Journal of Biblical Literature* 125/3, 443–452.
- Parpola, S. 1993: The Assyrian Tree of Life: Tracing the Origin of Jewish Monotheism and Greek Philosophy. *Journal of Near Eastern Studies* 52/3, 161–208.
- Porteous, W.N. 1965: *Daniel. A Commentary*. Philadelphia.
- Pritchard, J.B. (ed.) 1992: *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement*. Princeton.
- Rad, G. von 1947: *Deuteronomium-Studien*. Göttingen.
- Schniedewind, W.M. 1991: The Source Citations of Manasseh: King Manasseh in History and Homily. *Vetus Testamentum* 41/4, 450–461.
- Soden, W. von 1935: Eine babylonische Volksüberlieferung von Nabonid in den Danielerzählungen. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 53, 81–89.
- Williamson, H.G.M. 2018: *Isaiah 6–12. A Critical and Exegetical Commentary*. Bloomsbury.
- Wills, L.M. 1990: *The Jew in the Court of the Foreign King*. Minneapolis.
- Young, R.A. 2012: *Hezekiah in History and Tradition*. Leiden–Boston.
- Zimmerli, W. 1979: *Ezekiel 1. A Commentary on the Book of the Prophet Ezekiel, Chapters 1–24*. Philadelphia.
- Zimmerli, W. 1983: *Ezekiel 2. A Commentary on the Book of the Prophet Ezekiel, Chapters 25–48*. Philadelphia.